
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

K.S. Mokin, N.A. Baryshnaya
Migration as a Process
of Regional Ethno-Political
Structure Formation

Based on the empirical research carried out under the Russian Academy of Sciences, major problems of immigration aspirations of the Saratov Region residents are outlined. For the first time the problem of social citizenship / inclusion of incoming immigrants in the regional society is analyzed. Basic mechanisms of using ethnicity as an essential instrument of economic, social, and cultural mobilization are revealed.

Key words and word-combinations: migration, social citizenship, ethnic-demographic replacement, structural competition, region, social structure, social processes, public opinion.

На основе эмпирических исследований, проведенных под руководством Российской академии наук, очерчены основные проблемы иммиграционных устремлений жителей Саратовской области. Впервые анализируется проблема социального гражданства / инклюзии прибывающих в региональное сообщество иммигрантов. Раскрываются основные механизмы использования этничности как основного инструмента экономической, социальной и культурной мобилизации.

Ключевые слова и словосочетания: миграция, социальное гражданство, этнодемографическое замещение, структурная конкуренция, регион, социальная структура, социальные процессы, общественное мнение.

УДК 316.34/35(470.44)
ББК 60.54(2Рос-4Сар)

К.С. Мокин, Н.А. Барышная

МИГРАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНА*

Современной российской миграционной политике не достает целостного представления о миграционных рисках и способах управления ими. Важные общегосударственные решения в области миграционной политики и региональная управленческая деятельность до настоящего времени основываются на экспертных суждениях, а не на данных фундаментальных исследований.

В настоящее время органы государственной власти Российской Федерации, в веде-

* Статья написана в рамках исследования при поддержке РФФИ, проект № 14-06-00117 «Миграционные риски России: анализ интеграционных перспектив», методическая разработка: ИЭА РАН и Сеть этномониторинга EAWARN. Исследование проводилось в Саратовской области. Выборка квотная, репрезентативная по полу и возрасту. Всего опрошено 200 человек в соответствии с заданными квотами, 100 экспертов (сотрудников органов власти, НКО, научных сотрудников).

нии которых находятся ресурсы и рычаги управления миграционной сферой, стоят перед проблемой перехода на новую стратегию, и уже принят соответствующий правовой документ с определением целей на длительную перспективу [1]. Однако, как и прежде, превалирует принцип оперативного управления, а не комплексный исследовательский подход. Особая опасность такого метода – в желании искусственно стимулировать адаптацию иностранных мигрантов, причем под адаптацией понимают превращение гастарбайтера в «россиянина» через язык, государственную лояльность и освоение российской бытовой культуры.

Задача адаптации мигрантов обусловлена опасениями, что трудовая миграция в качестве демографического ресурса не принесет пользу России и может породить конфликты. При этом непродуманные решения по принудительной адаптации сами могут ускорить такой исход событий. Следовательно, очевидна необходимость фундаментальных исследований в области миграционных рисков. Так, в 2014 г. по заказу Российской академии наук проведено эмпирическое исследование, включавшее опрос общественного мнения жителей Саратовской области по проблеме восприятия миграционных процессов, опрос экспертов и анализ существующего информационного поля. Инструментарий массового и экспертного опроса разработан Институтом этнологии и антропологии РАН, Центром этнополитических исследований.

Результаты анализа общественного мнения по оценке мобильности показали, что основным детерминирующим фактором миграционных перемещений жителей Саратовской области является экономическая целесообразность переезда в другие регионы России. Так, почти $\frac{1}{3}$ опрошенных (29%) заявили о своем желании уехать в другой регион на длительный срок или на постоянное проживание. Безусловным лидером в выборе территории будущего проживания выступают Москва и Московская область, на втором месте – Санкт-Петербург, на третьем – города юга России: Краснодар, Ростов-на-Дону и другие).

Лица среднего и старшего возраста, имеющие устойчивый заработок, семью, жилье (своего рода социальные «якоря», фиксирующие позицию инертного сохранения существующего социального и экономического капитала (своего и своей семьи)) заявили о нежелании уехать, в то время как более молодые ориентированы на зарабатывание этого капитала, в том числе и в других регионах России.

Характерным аспектом, выделенным в процессе эмпирического исследования, стал уровень самоидентификации респондентами себя как жителей страны. Так, 94% опрошенных считают, что, несмотря на существующие различия в уровнях дохода, образования, месте и условиях работы и проживания, необходимо позиционировать себя только как гражданина страны. Отчасти это связано с психологической мобилизацией в контексте событий на юго-востоке Украины и, соответственно, активным информационным воздействием массмедиа на жителей региона, в котором подчеркивается необходимость осознания себя как члена государства. Лишь 4% респондентов заявили о необходимости позиционирования себя как представителя отдельной национальности и 1,4% – как представителя той или иной территории. Такой высокий уровень гражданской (социальной) идентичности, на наш взгляд, объясняется стремлением к унификации различий (этнических, культурных, лингвистических и т.д.), что

серьезно упрощает систему социальных, политических и экономических отношений «в глубинке», с одной стороны, а с другой – демонстративным проявлением лояльности к государству (а значит, и проявлением декларируемой самоидентификации).

По сути, вопрос принадлежности к государству (наличие статуса гражданина) делит общество на две части: «гражданин (свой)» и «негражданин (чужой)» со всеми вытекающими из этого коннотациями. «Свой» – тот, кто владеет языком (русским), разделяет доминирующие в обществе ценности, образ жизни (как правило, городской), не пытается продемонстрировать свою инокультурную инаковость и «согласен» с доминирующим дискурсом как в приватном, так и в публичном пространстве. «Чужой» – это, как правило, фенотипически отличный от местного населения, не владеющий языком местного сообщества и не принимающий норм и ценностей локального сообщества. Подобное разделение не только маркирует систему дихотомических отношений, но и ее конфигурирует. В зависимости от степени лояльности к государству и местному сообществу происходит разделение «чужих» на близких (в отношении с кем, как правило, не возникает проблем), и «иных» (тех, кого местное, локальное сообщество вне зависимости от юридического статуса гражданства отторгает).

Так, образованные представители стран Закавказья (Армении, Азербайджана, Грузии), хорошо знающие русский язык и владеющие социально значимыми профессиями (например врач, педагог), достаточно быстро и успешно интегрируются в местное сообщество, в то же время представители Северного Кавказа (граждане России), выполняющие сезонные работы в сельском хозяйстве или на стройках, вызывают отторжение и неприятие.

Важнейшим аспектом выстраивания отношений между мигрантами и принимающим сообществом также выступает опыт личных отношений местного населения с иммигрантами. Лишь немногим (около 10%) из местного населения в повседневной жизни, с определенной частотой, приходится сталкиваться с иностранными трудовыми мигрантами. Подавляющее большинство (72%) никогда с ними не сталкивались либо не воспринимали встреченных как иммигрантов. Подобная ситуация является вполне объяснимой.

В Саратовской области, являющейся транзитным узлом миграционного трафика «Восток – Запад», много сезонных (экономических, циклических) мигрантов, и все они, как правило, если работают в публичной сфере, то обладают достаточной языковой компетенцией, навыками публичного общения, знают особенности социальной и бытовой жизни. Соответственно, местное население их чаще всего воспринимает как «своих», приехавших из восточных (пограничных) районов региона. В других случаях инокультурные мигранты, прибывшие для работы на стройке или иные работы, практически «не видны», поскольку подавляющее время находятся (работают, проживают) на территории объектов строительства, где для них создается вся необходимая инфраструктура. Ярким примером может являться участие более тысячи иностранных трудовых мигрантов в строительстве завода «Северсталь» в г. Балакове. На территории стройки были построены общежития (вагончики), столовая (с националь-

ной кухней), которая являлась своего рода клубом, где шел обмен информацией и просмотр национальных каналов. Раз в неделю несколько человек (как правило, представители «бригад») отвозили в город на рынок, где они покупали все необходимое, а затем их привозили обратно. Нахождение на территории муниципального района жестко контролировалось Федеральной миграционной службой, проводившей еженедельные проверки. По окончании строительства все иностранные мигранты были отправлены на родину. Иначе говоря, иностранные трудовые мигранты почти не присутствуют в публичной сфере конкретного локального сообщества.

Положительно относится к возможности активного привлечения мигрантов для малоквалифицированной работы в жилищном хозяйстве (уборка подъездов, вывоз мусора, чистка дороги и т.д.) $\frac{1}{3}$ опрошенных (32,5%), практически столько же (31%) нейтрально (безоценочно) воспринимают эту возможность. На наш взгляд, подобные оценки являются результатом устоявшихся стереотипных суждений, что, во-первых, работа в сфере жилищно-коммунального хозяйства не требует специальной (высокой и / или средней) квалификации, а во-вторых, работа в данном секторе занятости не является социально статусной и приемлемой для значительной части населения. При этом значимость коммунального обслуживания многоквартирных домов в городе никто не отрицает. В контексте подобной логики использование труда иностранных мигрантов, по мнению респондентов, выглядит вполне оправданным, поскольку позволяет решить, с одной стороны, вопросы обслуживания значительной части населения, а с другой, по их убеждению, – это сегмент занятости, когда их «просто не видно».

Менее однозначно население воспринимает возможность работы иностранных трудовых мигрантов в больницах и поликлиниках в качестве младшего персонала (санитарок, техничек и т.д.). Только 18% респондентов одобряют эту возможность, 21% – воспринимают это нейтрально, а более половины (59%) категорически возражают против идеи допуска «чужих» в сферу медицины, даже в качестве низового звена обслуживания.

Однако идея использования мигрантов на должностях младшего медицинского персонала активно обсуждается среди работников медицины, которые отмечают хроническую нехватку санитарок и медсестер. Главные врачи и руководители отделений готовы трудоустроить мигрантов на данные должности, но существующая система трудоустройства (прохождение медкомиссий, ограничение на пребывание в стране) не позволяют это реализовать. Например, в системе здравоохранения г. Балакова в настоящее время вакантными являются более 200 должностей младшего медицинского персонала, с уровнем оклада 5–7 тыс. рублей. Вполне естественным в этих условиях выглядит, что никто из местных жителей на такую работу не идет, поскольку реальный прожиточный минимум (оплата жилья, коммунальные услуги и питание) в городе составляет не менее 15–17 тыс. рублей. Вследствие этого данная ниша заполняется либо пенсионерами, ищущими подработку, либо неофициально «теми самими» мигрантами, но без официального оформления всех документов. Сложившаяся система сепарации медицинских кадров, условия работы, размер оплаты труда

практически обрекла государственные медицинские учреждения на постоянный «кадровый голод», особенно на низовом и среднем уровнях.

Еще более отрицательно респонденты (местные жители) воспринимают идею потенциального трудоустройства мигрантов охранниками школ или детских садов. Лишь 9% опрошенных оценили данную идею положительно. Крайне негативно к подобному предложению отнеслись 75% опрошенных, что объяснимо, ведь дети воспринимаются как ключевой элемент системы социальных, культурных и экономических отношений и являются основой построения всей ценностно-мотивационной структуры локального сообщества. Любая потенциальная угроза (мигранты и являются носителями «скрытой» угрозы в повседневном дискурсе основной массы населения) в отношении детей воспринимается местными жителями как угроза реальная и объективная. Это, в свою очередь, проецируется на реальные повседневные практики, оценки событий, формируя, таким образом, «бытовой контекст» этноцентризма. Идет жесткое, негласное разделение на «своих» и «чужих». Близость в этом случае определяется готовностью доверить самое дорогое – детей – «своим», которые действительно сделают все, чтобы оберегать ребенка. Характерно, что здесь критерий этнической идентификации играет малозначимую роль, а ключевым становится политико-гражданская лояльность (юридическое и социальное гражданство). Местное население, обладающее «этническим дальтонизмом», с трудом может отличить, например, казаха от узбека, а таджика от азербайджанца. Но при этом ключевым аспектом, определяющим степень доверия, выступает декларируемая мигрантом / иммигрантом поддержка существующего локального социального дискурса. Иначе говоря, – поддержка мигрантом / иммигрантом демонстративного проявления социальной лояльности сообществу, готовность следовать правилам и нормам, негласно установленным в городе / поселке / поселении, и следование предписанным (индокринирующим) нормам отношений («если я “иной”, я должен делать “так”»).

В подобной модели межкультурного взаимодействия роль СМИ трудно переоценить. Несмотря на все усилия властей и экспертов в области кросскультурной коммуникации, массмедиа продолжают выступать мощнейшим инструментом воздействия на местное население. В частности, благодаря СМИ постоянно ротируется и поддерживается миф, что «приезжие из других регионов России или государств отнимают места у местных жителей». Более половины респондентов (55%) разделяют подобную точку зрения, хотя при этом, практически, никто из давших такую оценку, не сталкивался в реальной жизни с иностранными трудовыми мигрантами и, тем более, не испытывал конкуренции с ним на рынке труда. Почти $\frac{1}{3}$ населения (31,5%) уверены, что мигранты не представляют угрозы на рынке труда и, скорее всего, будут пополнять ниши малооплачиваемого, низкоквалифицированного труда, который необходим (строительство, ЖКХ и т.д.), но не востребован местными жителями как источник дохода / заработка.

Тем не менее идеологема «они забирают наши рабочие места» является сверхустойчивой, подпитываемой, с одной стороны, СМИ, а с другой – роти-

руемыми в локальном сообществе убеждениями, что в конечном итоге определяет не только способы восприятия мигрантов, но и реальные практики взаимодействия. При этом формула взаимодействия «свой» – «чужой» имеет не только культурологический и лингвистический контексты, но и политический. В частности, на вопрос об ограничении въезда в Россию из других государств минимальное количество голосов за ограничение было высказано в адрес жителей республик Беларуси, Казахстана и Украины. Последнее объясняется социально-политическими событиями на Украине.

Беларусь (84%) и Казахстан (70%) в обобщенном представлении жителей Саратовского региона являются близкими исторически, культурологически и, отчасти, лингвистически (подавляющее большинство респондентов знают, что, например, в Казахстане русский язык является вторым государственным). Это влечет за собой близость паттернов поведения как в публичном, так и в частном пространствах.

Украина в контексте геополитических событий основной массой населения воспринимается (72%) как «дружественная, союзная республика, которая подверглась фашистской оккупации». Именно через эту призму рассматриваются события на юго-востоке Украины, а историческая память большей части населения воспроизводит модели поддержки и взаимопомощи к пострадавшим. Опрошенные именно в отношении приезжих из этих трех стран менее всего выступают за ограничения их приезда / пребывания в стране и в регионе.

Однако наибольшее социальное «отторжение» в части возможности приезда и тем более в потенциальной возможности «проявления» в публичном пространстве локального сообщества вызывают представители стран Средней Азии и Закавказья. Здесь существенную роль играют доминирующий дискурс (укрепленные в общественном сознании стереотипы отношений местного населения с мигрантами) и историко-политический контекст событий и отношений с республиками этих регионов.

Оценивая дискурс об «этнической преступности», подразумевающий, что иностранные трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители, можно выявить следующее. Почти 40% опрошенных уверены, что это так. Подпиткой подобных фобий выступают местные и региональные СМИ, регулярно ротирующие истории о преступлениях, совершенных иностранными мигрантами: идеологема «этнической преступности» не только ротируема, но и в определенной степени востребована. Криминализация этничности (как и ее политизация) позволяет сформировать мобилизационный капитал в политическом и социальном пространстве. Идею «борьбы с этнической преступностью» регулярно используют на выборах местного и регионального уровней, с ее помощью поднимают рейтинги новостных передач и т.д. По сути, декларирование борьбы с «этнической преступностью» стало одним из механизмов легитимизации органов власти, силовых структур.

В этой ситуации вполне объяснимым является высокий уровень мигрантофобии и готовность значительной части населения (39%) к участию в политических формах протеста против иностранных мигрантов (пикеты, акции). При этом реальность подобных акций практически нулевая. Отметим, что в регионе

практически отсутствуют структуры (силы), способные на мобилизацию населения по подобным вопросам.

На наш взгляд, проблема мигрантофобии скорее связана с вопросами «социального гражданства», при котором иностранные граждане в социально-бытовом плане становятся «своими» (соседями, друзьями, коллегами по работе). В этих условиях, безусловно, ключевой является способность средств массовой коммуникации (как инструмента – телевидение, газеты, особенно Интернет) массовой мобилизации в условиях реальных (физических) конфликтов.

Таким образом, опираясь на результаты исследования, сделаем следующие выводы:

Во-первых, миграционные устремления жителей сообщества остаются достаточно высокими. При этом основным аспектом реализации миграционных устремлений выступает социальный (в том числе профессионально-образовательный) потенциал, а также личные / семейные связи, позволяющие минимизировать период адаптации в новых территориально-социальных условиях.

Во-вторых, несмотря на собственный миграционный опыт, жители местного сообщества не стремятся к «встречному» движению к нынешним мигрантам, полностью перекладывая затраты по интеграции и адаптации на плечи самих иностранных трудовых мигрантов. В подавляющем большинстве предполагаются лишь односторонние усилия – со стороны мигрантов, а не взаимное, диффузное, движение, при котором происходит взаимоизменение ценностно-мотивационных установок и паттернов поведения.

В-третьих, анализ результатов исследования убедительно показывает, что в доминирующем дискурсе мигранты воспринимаются как своего рода необходимый, но побочный трудовой ресурс. Предложенная респондентам модель создания системы центров поддержки и обучения мигрантов показывает, что, несмотря на свою востребованность, в определенной части она будет способствовать не столько интеграции, сколько сепарации.

В-четвертых, появление мигрантов в частично приватной сфере (больницы, школы) вызывает у основной части населения фобии и последующие за этим механизмы их канализации (дистанцирование, стремление к минимизации контактов, отторжение). В этих условиях наиболее приемлемым вариантом видится использование имеющихся наиболее эффективных инструментов этнокультурной политики (например, СМИ) на уровне локального сообщества и региона, которые позволили бы расширить интеграционный потенциал местных жителей за счет расширения представлений плюсов культурного, этнического и лингвистического разнообразия.

Библиографический список

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf>
2. Об утверждении «Концепции федеральной целевой программы “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России”»: распоряжение Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 1292-р. URL: <http://government.ru/media/files/41d47c4f0588b3037601.pdf>
3. Мокин К.С., Барышная Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика. Саратов, 2009.